

Тельнов Роман Евгеньевич

канд. филол. наук, доцент

Острякова Анна Геннадьевна

студентка

ФГБОУ ВО «Государственный институт

русского языка им. А.С. Пушкина»

г. Москва

ГИПЕРОНИМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЗЕРНО, В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

***Аннотация:** в статье на материале берестяных грамот исследуются названия зерновых культур, которые могли служить гиперонимами по отношению к названиям других зерновых культур. Материалы берестяных грамот позволяют предположить, что на территории Новгородской земли в XII–XV вв. существовали три названия, игравшие роль гиперонимов по отношению к названиям других зерновых (вершь, хлѣбъ, и гѣмана). Наиболее распространенными гиперонимами, обозначающими зерновые культуры, были слова вершь и хлѣбъ.*

***Ключевые слова:** гиперо-гипонимические отношения, берестяные грамоты, древнерусский язык, названия еды.*

Новгородские берестяные грамоты – ценный источник для исследования бытовой древнерусской лексики. Как отмечал В.Л. Янин, в грамотах «...люди, умершие пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот и девятьсот лет тому назад, писали о своих сиюминутных заботах, в каждой строке фиксируя то, что никогда не попадало ни в летописи, ни в акты, ни в церковные книги» [7, с. 7]. Спецификой содержания берестяных грамот обусловлено то, что в них часто встречаются названия продуктов питания. Среди этих названий достаточно много номинаций зерна и злаковых. Они представляют собой как названия конкретных видов злаков, так и общие понятия. В нашей статье представлено исследование семантики и особенностей употребления в древненовгородских берестяных грамотах гиперонимов, обозначающих пищевое зерно.

В рассмотренном нами материале было зафиксировано три слова (*вершь*, *хлѣбъ*, и *ѣмана*), которым, на наш взгляд, была свойственна роль гиперонимов, объединявших названия зерновых. Слово *вершь* является самым частотным из них. Оно употребляется в 12 грамотах, в то время как *хлѣбъ* и *ѣмана* – в 5 и 2 соответственно.

Кроме этих слов, стоит обратить внимание на слово *жито*, которое в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского толкуется как «пища; плод; хлеб на корню (особенно рожь) и в зерне; зерно хлебного растения; богатство» [4], и поэтому теоретически могло служить гиперонимом, обозначавшим пищевое зерно в новгородских берестяных грамотах. Однако ряд грамот, в которых слово *жито* соседствует с названиями других зерновых культур, не позволяет рассматривать это слово в качестве гиперонима: на *Рзигоры 5 коробѣ овса да коробѣ жита* – №162; а в[о]искои рожжи и во жи.....скини дружини – №254; а что еси повелью уо Ювиши взати возо овса и жита друогы старыхо уосоно то сѧ не (вино)[ва]т[о] твори – №482; (□ Она)н[ь]е дѣжа пѣ(ш)[е]ницѣ др□га жита – №606; оу другога Сидорка взале поло коробии овса поло коробии жита – №689; ...(р)ожь {т} куопити то куопи тамо а сѧ не надѣи (по дѣ)[в]ати рѣза а жито по дѣве ногать [а в]охо ти ... – №943 и др. Контексты, в которых употребляется слово *жито*, позволяют видеть, что зерновая культура, обозначаемая этим словом, последовательно выделяется среди названий других зерновых культур (в рассмотренных нами грамотах это *пшеница*, *рожь* и *овесъ*). Возможно, в рассматриваемых нами грамотах слово *жито* имеет значение «ячменное зерно», сохранившееся в различных русских говорах (в том числе и говорах северного наречия) и нашедшее отражение в разных диалектных словарях. В Словаре русских народных говоров, например, наряду с семантическими вариантами, обозначающими только ячмень в разных видах (*Ячменный хлеб* (на корню, в снопах, зернах). Новг., Смол., 1820. «Жито – ячмень, в значении хлеба вообще никогда не употребляется»; «Ячмень (исключительно). (Слово «ячмень» не употреблялось)». > Новг., Доброписцева, Гарновский. Твер., Калин., Пек., Петерб. *Сеют-то жито, это теперь ячмень*

зовут. Ленингр. Волог., Олон., Онеж. КАССР, Сев.-Двин., Арх., Север., Яросл., Влад., Моск., Тул., Тамб., Вят., Енис., Краснояр., Йыгев., Тарт. Эст. ССР; *Ячмень на корню*. Белозер. Новг., Слов, карт. ИРЯЗ. *Жито-то жали серпом*. Арх.; *Ячмень в зерне*. Арх., 1907), широко представлены семантические варианты, в объем понятия которых входит компонент «ячмень»: *Ячмень* и пшеница. Устюжн. Волог., 1898. Новг.; *Ячмень*, рожь, пшеница. Тул.; *Горох и ячмень*. «Для обозначения гороха и ячменя имеется местное название – мелкого жита или жита». Пришексн. Волог., Шаргина; *Овес и ячмень*. Яросл., 1961; *Овес, ячмень и пшеница*. Кадн. Волог., 1866.; 10 *Ячмень и рожь*. Кушанье из *ячменя* с горохом или бобами. Пек., 1852; 5. *Ячменная крупа. Бехтерь жита положено*. Арх., 1963–1965. Примеры употребления слова *жито* в значении «ячмень» можно найти и в других диалектных словарях – например, в Новгородском областном словаре: *На суках в первую очередь жито сеяли; топерь ячмень зовут* [2]. Таким образом, мы можем сделать предположение, что в новгородских берестяных грамотах отразилось употребление слова *жито* в значении «ячмень», которое сохранилось, прежде всего, в русских диалектах и являлось, возможно, древнейшим значением данного слова. Толкование значения слова *жито* как «ячменное зерно» в известных нам контекстах косвенно подтверждается и отсутствием в них слова *ячьмень* (*ячьмы*).

Слова *вершь*, *хльбъ* и *гьмана* встречаются в грамотах одного и того же временного промежутка. Впервые они фиксируются в текстах начала-середины XII в., самые же поздние грамоты, содержащие эти слова, датируются началом XV в. Это означает, что данные номинации остаются в активном словарном запасе авторов грамот на протяжении более чем трех веков, и ни одна из них полностью не вытесняет другую. Чтобы понять, почему синонимичные слова употребляются в пределах одного временного промежутка с различной частотностью, следует обратиться к особенностям их семантики и проанализировать контекст, в котором они встречаются.

Слово *вершь* – один из трех гиперонимов, употребляющихся по отношению к зерну, пригодному для изготовления хлеба (... *(ве)рши ко мне 10 деже ржи с*

*О^аф^рлемовими людми – №192/191; оу Данешиници за три гривене възимить верышью – №219; дать Мележну 8 деже накладо и веши – №253, а про верешь вели Маѣмцю брати да сыплъ съби в кли[ть] – №275/266 и др.). В Материалах для словаря древнерусского языка по письменным И. И. Срезневского оно толкуется как «хлеб, жито» [4]. Данные новгородских берестяных грамот не отходят от этого значения: присутствуют случаи использования слова *верышь* как для обозначения зерна (в приведенных выше примерах), так и для обозначения хлеба на корню (*рекль ѳси былъ во своємъ селѣ верыши всѣ добры и араа жита – №195; поѳди ѳне по свою верышь дать ѳне не гнеѳ – №361; а намъ в землѣ половина а верыши цастъ – №755*).*

Кроме слова *верышь*, значение гиперонима по отношению к зерну и хлебу на корню имеет номинация *хлѣбъ* (*а судьно ѳсть у мене а хлѣб[ъ] сухѣи су – №19; ино тото хлѣбо ѳне крѣстьяне перемо(лотитли) – №352*). Семантика этого слова шире, чем у слова *верышь*. И.И. Срезневский называет следующие значения: «хлебное растение, хлеб на корню; хлеб зерновой; хлеб печеный; кушанье, угощенье; пропитание, продовольствие; просфора; пища» [4]. В берестяных грамотах находим примеры лишь на некоторые из них – «хлеб на корню», «хлеб зерновой», «пропитание». Слово *хлѣбъ* с последним значением встречается в грамоте №731, датируемой второй половиной XII в.: *Поклананіе ѿ Аноктѣ со Сьлатою ко Аринѣ хоцѣть ти твоего дѣтѣтицѣ о ѿсто жѣ ти еѣ хо{цѣ}цѣ а жѣ хоцѣши во брозѣ жѣ сѣдѣ бѣди и ала есмо сѣ емѣ по рѣкѣ ако ты сѣ мловила емѣ ты дни придѣши томо дни поимѣ и нѣ ли ти тамо повоица а крѣвоиши при соли а кодѣ ти мнѣ хлѣбъ тѣ и тобѣ. По наблюдению А. А. Зализняка, фраза *а кодѣ ти мнѣ хлѣбъ тѣ и тобѣ* представляет собой готовую формулу и в общем контексте грамоты соответствует обещанию вознаграждения адресата за выполнение просьбы автора [1, с. 392].*

Стоит отдельно отметить, что в рассмотренном нами материале номинация *хлѣбъ* ни разу не обозначала мучное изделие. Единственный случай, в котором данное значение допустимо, – грамота №424: *(Г)р[а](мота) ѡ[тъ Гю]р[ѣ]а к[ъ] о[тъ]чеви и к[ъ] матери продаѣше дворѣ идите же сѣмо Смольньску ли Кыевоу*

ли дешево те хлебе али не идете а присъте ми грамотичу сторови ли есте. Так как речь идет о цене, слово *хлебе* в подобном контексте может иметь любое из значений «зерно», «злаковые» или «продукт, выпекаемый из муки». Учитывая то, что хлеб на Руси пекли в домашних условиях, а не покупали на рынке, третье из приведенных нами значений наименее вероятно. Жанровые особенности берестяных грамот, отражающих, прежде всего, торговые отношения между жителями Новгорода не создают ситуативно обусловленных контекстов для употребления слова *хлѣбъ* в его исконном значении, восходящем к германскому корню **hlaiba-*, который обозначал формованный хлеб и ассоциировался у славян именно с выпеченным продуктом (см. подробнее [6]).

Таким образом, значения «хлеб на корню» и «хлеб зерновой» не были первоначальными и основными для слова *хлѣбъ*. Ядром его семантики было значение «хлеб печеный», а такой продукт, как было отмечено выше, в рассмотренных нами грамотах не встречался. Этимология же слова *вершь* связана со словом *върху* – «молочу» [5]. Видимо, в понимании средневековых славян эта номинация была связана с процессом обмолота зерна, и потому для данного слова значения «хлеб зерновой» и «хлеб на корню» первичны. Так как в рассмотренных берестяных грамотах предметом речи оказываются именно зерно, то слово *вершь* встречается чаще, чем *хлѣбъ*. Можно сказать, что разница в частотности употребления слов *вършь* и *хлѣбъ* обусловлена актуальностью для жителей Новгорода их этимологического значения.

Еще одним гиперонимом для обозначения пищевого зерна является слово *ѣмана*: *иди [в] ... (въ за)(к)ромѣ съме[н]а и ѣм(ена) ... (ц)ьрьнь(ц) ...* – №556; *и велѣлъ ми старѣиѣи мои и съмана и ѣмана молотить ваша Иване* – №755. А. А. Зализняк отмечает устойчивость выражения *съмана и ѣмана* и переводит его как «семенное и пищевое зерно». Он отмечает, что слово *ѣма* (от **ēd-* «есть») построено по аналогии со словом *съма* (от **sē-* «сеять») и, по-видимому, почти всегда употреблялось в паре с ним [1, с. 638]. Примеры парного употребления этих слов встречаются также в Домострое и в письмах стольника Безобразова [6]. Вместе они употребляются и в диалектах. Например, в Словаре русских

народных говоров за словом *емены* фиксируется значение «то, что предназначено для пропитания, для прокорма», и в большей части примеров, приведенных в словаре, *еменам* противопоставлены *семены* [3].

Особенностью слова *ѣмана* в берестяных грамотах является то, что в этом круге источников оно встречается только в паре со словом *сѣмана*. Кроме того, слово *ѣмана* не имеет значения «хлеб на корню». Если слова *вершь* и *хлѣбъ* могли употребляться как по отношению к пищевому зерну, так и по отношению к злаковым, то семантика гиперонима *ѣмана* ограничена одним лишь зерном. По-видимому, из-за узости своего значения и контекстной обусловленности слово *ѣмана* встречается в грамотах намного реже, чем номинации *вершь* и *хлѣбъ*.

Таким образом, можно сделать несколько выводов о гиперонимах, называющих пищевое зерно в берестяных грамотах:

1. Значение слова *жито*, отраженное в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И.И. Срезневского, не совпадает с данными новгородских берестяных грамот – слово *жито* не выступает в качестве гиперонима по отношению к названиям зерновых. Берестяные грамоты демонстрируют контексты, в которых слово *жито* последовательно входит в перечислительные ряды с другими названиями зерновых. Сопоставление особенностей употребления этого слова в новгородских берестяных грамотах с его значениями, отраженными в Словаре русских народных говоров, позволяет предположить, что древнейшим значением слова *жито* было значение «ячмень» или «ячменное зерно».

2. Гиперонимы *вершь*, *хлѣбъ* и *ѣмана* используются авторами берестяных грамот с различной частотностью, но при этом самые ранние и самые поздние тексты с каждым из них датируются XII и началом XV вв. соответственно.

3. Не каждое из слов *вершь*, *хлѣбъ* и *ѣмана* может обозначать и зерно, и злаковые. Так, слово *ѣмана* употребляется только по отношению к зерну, значения же «хлеб на корню» оно не имеет.

4. Чаще всего в качестве гиперонима по отношению к зерну и злаковым в берестяных грамотах используется слово *вершь*. С одной стороны, это связано с тем, что оно не является контекстно ограниченным, в отличие от слова *ѣмана*, которое обозначало пищевое зерно и было противопоставлено своим значением слову *сѣмана*, обозначающему семенное зерно. С другой стороны, семантика этого слова связана именно с зерном, в то время как слово *хлѣбъ*, хотя и имеет значения «хлеб на корню» и «хлеб зерновой», в большей степени ассоциируется с мучным изделием.

Список литературы

1. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
2. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН, изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – 1435 с.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. – Л.-СПб.: Наука, 1965–2016.
4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893–1912.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987.
6. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–40. – М.: Наука, 1974–2016.
7. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 464 с.
8. Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramoty.ru/> (дата обращения: 22.11.2017).